

УДК 81'367.322
УДК 81.1: 81. 376

Осетров И.Г.

Ульяновский государственный педагогический университет

ФУНКЦИИ И ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ АСИММЕТРИИ

I. Osetrov

Ulyanovsk State Pedagogical University

FUNCTIONS AND TYPES OF LANGUAGE OF ASYMMETRY

Аннотация. В статье ставится проблема организации языковой асимметрии. В качестве её функций выделяются организующая, дифференцирующая и расширяющая. Их взаимодействие позволяет выделить структурный и функциональный типы, первый из которых подразделяется на внутрипарную, поворотную и шаровую разновидности. Функциональная разновидность асимметрии проявляет себя как обратно пропорциональная зависимость функции и структуры языковой единицы, что обнаруживается в русском языке, например, благодаря существованию нулевых форм.

Ключевые слова: инвариант, автоморф; организующая, дифференцирующая расширяющая функции; структурный, функциональный типы асимметрии.

Abstract. The article is devoted to the problem of organizing linguistic asymmetry. Among the asymmetry's features stand out organizing, expanding and differentiating ones. Their interaction can help to distinguish the structural and the functional types, the first of which is subdivided into inner-pair, turning and the ball varieties. The functional asymmetry behaves as a function of the inverse relationship and the structure of a linguistic unit that is found in the Russian language, for example, by the existence of zero-forms.

Key words: invariant, allomorph, organizing, extending the differentiating features, structural and functional types of asymmetry.

Асимметрия в языке – это особое свойство, придающее языковой системе динамическое равновесие; это тип такого неподобия автоморфов, основанием которого является объединяющее их отношение, а именно – противоречие.

Функциями асимметрии являются:

а) организующая (признаки автоморфов, на основании которых возникает отношение асимметрии);

б) дифференцирующая (те свойства автоморфов, благодаря которым они различаются);

в) расширяющая (благодаря этой функции количество автоморфов множится в зависимости от количества осей сопоставления).

Воплощением организующей функции асимметрии является несоразмерность явлений – то отношение между автоморфами, благодаря которому обнаруживаются системные свойства различных языковых образований. Говоря о несоразмерности языковых явлений в данном случае, мы имеем в виду отношения уникальности и повторности в рядах языковых фактов, то есть вариант и инвариант, которые мы различаем по наличию/отсутствию пространственно-временной характеристики. «Инварианты представлены не одной субстанциональной сущностью, а множеством (классом) таких сущностей <...> Сущности, составляющие данную группу, расположены в коммуникации на временной оси (речи, текста) и в некоторой пространственной плоскости. <...> Одна субстанциональная сущность – вариант со-

ответствующего инварианта» [4, с. 195]. Для асимметрии отношением несоразмерности можно, например, считать антиномию, т. е. парную систему тех языковых явлений, которые обнаруживают черты непреодолимого внутреннего противоречия при фундаментальной идее общности. Иными словами, в основе организующей функции – инвариант, т. е. такое свойство автоморфов, благодаря которому они оказываются объединёнными в систему. Инвариант в известном смысле представляет собой совокупность всех вариантов, ведь только в этом случае возможно говорить об общем фрагменте вариативного ряда. Например, члены синтаксической дихотомии «полное – неполное предложение» объединены отнесённостью к такой типовой единице, как предложение совокупностью инвариантных свойств предложения (интонацией завершённости, грамматической и семантической организованностью, предикативностью, синтаксической членимостью конструкции, а также одинаковой структурной схемой и сходным составом членов предложения). В то же время пары конкретных высказываний, рассматриваемых как асимметричные варианты одного и того же предложения, совпадают не только перечисленными свойствами, но им должно быть присуще ещё и тождество пропозиции, а также определённое совпадение лексического состава. Например, второе предложение из текста *Половина огромного класса была пуста. Другую занимали железные койки, расставленные как попало* (В. Шимун. Скородемель) благодаря контексту соотнесено с полным вариантом *Другую половину класса занимали железные койки, расставленные как попало*, так как их сравнение отвечает всем перечисленным характеристикам полного и неполного вариантов. Иначе говоря, исходной матрицей неполного предложения являются типологические свойства предложения как такового; исходной матрицей неполного высказывания – индивидуальные черты коррелирующей с ними полной фразы.

Дифференцирующая функция асимметрии обнаруживается благодаря тому объёму

свойств, который не совпадает у автоморфичных объектов и придаёт всей системе динамический характер; это совокупность признаков, обладающих чертами несоответствия инварианту; это противоречие, конфликт между вариантами, их несоразмерность. Так, приведённый выше пример, являясь неполным вариантом конструкции *Другую половину класса занимали железные койки, расставленные как попало*, отличается лишь эллипсисом прямого дополнения, представленного в полном варианте нечленимым количественно-именным сочетанием *половину класса*. Именно благодаря практически абсолютному сходству полное и неполное предложения образуют целостную, но асимметрично организованную систему форм.

Расширяющая функция асимметрии – это способность автоморфов обнаруживать несоразмерность неких фрагментов в рамках определённой антиномии. Например, возможный неполный вариант полного предложения *Сонные тучи придавили маленький городок Густой Бор* (В. Тендряков. Ухабы), будучи ответом на вопрос *Какие тучи придавили маленький городок Сонный Бор?* мог бы быть оформлен как «Сонные»; при ответе на вопрос *Как называется городок, который придавили сонные тучи?* собеседник мог бы воспользоваться фразой «Густой Бор» и т. д.; а услышав вопрос *Как повлияли на маленький городок Густой Бор сонные тучи?*, выберет ответ «Придавили» и т. д. Осей сопоставления может быть обнаружено столько, сколько коммуникативных задач может быть поставлено говорящим.

Иными словами, различие в содержании прагматической пресуппозиции и эллипсис слов в неполных конструкциях предстают как основания возникающих рядов предложений, образующих пары противоречий, которые и служат базой для расширения асимметрично устроенного ряда.

Опираясь на знание функционального своеобразия рассматриваемого нами явления, обычно выделяют структурный и функциональный типы асимметрии.

Как и симметрия, являющаяся свойством устойчивых (статичных) систем, структурная асимметрия в зависимости от функции и специфики внутренней организации подразделяется на те же три вида (внутрипарный, поворотный и шаровой).

Первый подвид структурной асимметрии (внутрипарный) обусловлен неподобием языковой формы и содержания, проявляющемся в дихотомическом характере автоморфов (на этом «фундаменте» строятся, например, отношения форм возвратности – невозвратности, одушевлённости – неодушевлённости в морфологии; простых – сложных, восклицательных – невосклицательных, утвердительных – отрицательных предложений в синтаксисе и пр.). В основе такой асимметрии любая языковая антиномия. Этот тип асимметричного отношения характеризуется не столько тем, что количество автоморфов равняется двум, сколько, в первую очередь, тем, что в дихотомически организованной паре ни один из автоморфов не имеет доминантного характера. Объединяясь на основании того или иного противоречия, подобные асимметричные образования получили в лингвистике название привативной оппозиции. Вариативность определяется не только наличием противоречия (антиномии), но и осью отношения, онтологической природой которой является тождество.

Существование второго – поворотного – подвида асимметрии обусловлено наличием системных противопоставлений в рамках парадигм, обладающих многочленным характером. В частности, с этих позиций как асимметричные образования должны быть рассмотрены топологические (линейные) варианты предложения, например: *Он весь чёрный* (Б. Окуджава. Новенький как с иголочки); *Он чёрный весь*; *Весь он чёрный*; *Весь чёрный он*; *Чёрный он весь*; *Чёрный весь он*. Наличие всего лишь трёх знаменательных слов в составе предложения даёт возможность построения уже шести вариантов высказываний с разным порядком слов. При этом в зависимости от места логического ударения

для каждого из них возможны еще три варианта. Вариативность этим не ограничена, поскольку она может быть расширена за счёт возможности коммуникативного переоформления из информативных в верификативные высказывания (и наоборот) за счёт использования экспрессивных интонационных контуров, что, например, может быть проиллюстрировано сравнением общеинформативной конструкции *Он придёт вовремя*, являющейся средством выражения прямого пропозитивного содержания, с частноверификативным (благодаря своему эмфатическому характеру) высказыванием *Придёт он вовремя!* (= «Как же, ждите его! Он никогда не приходит вовремя!»). Будучи различными высказываниями, оба синтаксических образования тождественны как в линейном, так и в лексическом отношении. С точки же зрения академического синтаксиса, оба высказывания должны быть признаны представителями одной структурной схемы, то есть тождественными с точки зрения структуры и потому характеризоваться как варианты данной синтаксической общности, хотя с функциональной точки зрения, разумеется, их нельзя признать эквиполентными – и не только в связи с различным порядком слов.

Оси поворотной асимметрии в синтаксисе, по мнению С.И. Карцевского, могут быть расширены за счёт дифференциации интеллектуальной, волеизъявительной, вопросительной и эмоциональной интонационных линий [2, с. 258 – 259].

Интересно, что «тавтологическое» объединение информативного и верификативного высказываний в одном дискурсе, способно создавать выразительный контекст: «*Тихо!*» – *я сказал! Или я тихо сказал?*» (КВН, «Утомленные солнцем»). Средством создания экспрессии в данном тексте оказываются функциональные, структурные и топологические различия двух предложений при абсолютном тождестве их лексического состава.

Изменение количества синтаксем в предложении с трёх до четырёх увеличивает число топологических вариантов кратно – до 24:

Он был весь чёрный ... (А. Кабаков. Последний герой); Он был чёрный весь; Он чёрный весь был; Он чёрный был весь; Он весь чёрный был; Он весь был чёрный;

Был он весь чёрный; Был он чёрный весь; Был чёрный он весь; Был чёрный весь он; Был весь он чёрный; Был весь чёрный он;

Чёрный весь он был; Чёрный весь был он; Чёрный был он весь; Чёрный был весь он; Чёрный он был весь; Чёрный он весь был;

Весь он был чёрный, только мех белел вокруг лица и на манжетах (Г. Владимов. Три минуты молчания); Весь он чёрный был; Весь был он чёрный; Весь был чёрный он; Весь чёрный он был; Весь чёрный был он.

Помимо топологических автоморфов, выделим ещё и возможность синтагменной вариативности предложения: Он был весь чёрный //; Он был / весь чёрный //; Весь он чёрный был //; Весь он / чёрный был // и т. д.

С точки зрения организации поворотного подвида языковой асимметрии можно говорить о неравноценном характере членов парадигмы. Чаще всего один из них обладает доминантными свойствами и потому является её организующим центром, поскольку в нём «незамутнённо» представлены свойства инварианта – общей частью вариативного ряда. В лексике именно таким образом организованы синонимы, где одно из слов – доминанта, а остальные образуют синонимический ряд. Поскольку доминантный алломорф такой парадигмы в известном смысле противопоставлен всем остальным её членам, такая парадигма может обладать некоторыми свойствами внутривариативной асимметрии, когда доминанта противопоставлена всем вариантам.

Примером подобной организации в грамматике может служить падежная парадигма, члены которой организуют внутрисистемное противопоставление, связанное с функциональным расслоением на прямой и косвенные падежи (в отечественном языкознании), или иначе – на абсолютный нулевой и при-

знаковые, маркированные (characterisees) падежи (в современной западной лингвистике). Впрочем, именительный падеж в русском языке может оказаться и не в абсолютной позиции, а в роли зависимого, маркированного фрагмента речи. Это обнаруживается, например, в составе деепричастного оборота в литературной речи: ...*Лежа один в кубрике с окном, заткнутым тряпкой, при свете скраденной у шкипера Гро свечи, я занимался рассматриванием переплета книги...* (А. Грин. Золотая цепь), кроме того представлено в диалектных условиях как факт с широкой изоглоссой: *надо протопить комната, испортить шуба* (примеры А.А. Шахматова; ср. также пример Н.Б. Кузьминой – *мне шапка надо*).

Шаровой вид асимметрии может быть проиллюстрирован следующим примером из области синтаксиса предложения: основанием тождества (инвариантом) предложения является минимальная структурная схема, а её многочисленными и разнообразными вариантами (алломорфами) – расширенные структурные схемы. Будучи тождественными (симметричными) с точки зрения минимальной структурной схемы, алломорфы вступают между собой в отношение асимметрии (в противоречие) в связи с различными средствами распространения. То есть можно говорить о том, что данному виду асимметрии присуща полевая структура самой разнообразной природы. Таким образом, асимметрия такого рода обнаруживается при описании свойств функционально-семантического поля, поэтому он может быть рассмотрен как некий связующий узел асимметрии структурной и собственно функциональной.

Функциональная асимметрия находит проявление как один из фундаментальных и универсальных законов, присущих динамическим системам, в том числе и системе языка. Известный с конца 40-х годов XX века в западной лингвистике под названием «закон Ципфа», он гласит, что если к тексту определённого объема или к языку в целом составить каталог используемых в нём слов

(за исключением служебных и анафорических слов – своеобразных «зеро-слов»), то для каждого слова в центральной части списка произведение порядкового номера на число, характеризующее его частотность, имеет приблизительно одинаковое значение для любого слова из этого списка.

Однако обратное пропорциональное зависимость функции и строевой роли языковой единицы в русском языкознании известна со времён А.М. Пешковского как «компенсационный закон». Т.М. Николаева интерпретирует его следующим образом: «Языковые средства, служащие формальным способом выражения той или иной языковой категории, могут разным способом комбинироваться, будучи в самом языке распределёнными по степени эффективности выражения. Отсутствие в реальной речи одного из более действенных средств вызывает усиление того же формального качества в наличествующих остальных средствах выражения той же грамматической категории. Так, интонация и порядок слов суть вспомогательные средства, компенсирующие основные синтаксические средства» [2, с. 19-20]. Ярко отражаются свойства компенсационного закона в бессоюзном сложном предложении, где отсутствие вербальных средств синтаксической связи (имеются в виду прежде всего союзы и союзные слова) возмещается иными способами, подчёркивающими грамматическую и семантическую целостность такого предложения. Например, в бессоюзной конструкции *Поит дубы холодная криница, Простоволосая шумит трава, На радость осам пахнет медуница* (О. Мандельштам) предикативные части связываются между собой прежде всего с помощью интонации перечисления. Существенно усиливается по сравнению с соотносительной сочинённой конструкцией (*И поит дубы холодная криница, и простоволосая шумит трава, и на радость осам пахнет медуница*) и роль вторичных средств связи (координация видов-временных форм глаголов-сказуемых, синтаксический параллелизм конструктивных единиц,

известная общность лексико-семантических классов используемых слов).

Языковые следствия закона компенсации позже исследуются и В. Брёндалем (впрочем, у него речь идёт не о законе, а о принципе компенсации) [1, с. 43]. Он отмечает, что язык избегает чрезмерной сложности морфологических структур, и поэтому зачастую формы, сложные в отношении выражения одних категорий, оказываются относительно простыми в отношении других. Применительно к русскому языку можно говорить об обилии так называемых нулевых форм. Например, типовым средством оформления номинативно-именного вида номинативно-подлежащих предложений является нулевая связка. Так, в конструкции *Мы отрезаны от людей* (М. Булгаков. Записки юного врача) сказуемое, именной частью которого является краткое страдательное причастие *отрезаны*, характеризуется нулевой формой связки, придающей предложению грамматическое значение настоящего времени и модального значения реальности. Одна из функций связки может быть рассмотрена как способ выражения синтаксического (предикативного) дейксиса. Это свойство, на наш взгляд, может быть подтверждено особенно ярко благодаря активности частицы-связки (*это*), а также неспециализированных именных связок (*вещь, человек, юноша, девушка, рыба, дерево* и под.) [5]. Дейктические свойства слова *это* не подвергаются сомнению, поскольку оно имеет прономинативное происхождение. У неспециализированных связок специалисты отмечают появление местоименных свойств, что может быть связано, на наш взгляд, исключительно с проявлением у этих компонентов предложения дейктической составляющей, присущей любому гиперониму.

Разумеется, следует различать а) синтаксическую редукцию («синтаксический нуль»), т. е. значимое системное отсутствие, которое закреплено парадигматически, и эллипсис – пропуск, вызванный речевыми условиями (стилистическими нормами, стилистической целесообразностью в том числе, соблюдени-

ем принципа экономии, коммуникативной установкой и пр.). Любой эллипсис в отличие от нулевых синтаксических знаков закладывает возможность омонимии и виртуально создаёт основу для коммуникативных неудач различного рода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарко А.В. О структуре грамматических категорий//Вопросы языкознания, 1981, № 6. – С. 17 – 28.
2. Брёндаль В. Структурная лингвистика//Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М.: 1965, – с. 40 - 46.
3. Карцевский С.И. О фонологии фразы // Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. Т. II. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 246 – 289.
4. Николаева Т.М. Интонация славянского предложения в славянских языках. – М.: Наука, 1969. – С. 19 – 20.
5. Ольховиков Б.А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. – М.: Наука, 1985. – 280 с.
6. Филиппов А.В. Функции и разряды глагольсвязок и связочных слов именного сказуемого в современном русском языке. – М., 1970. – 22 с.